

М. В. Михайлова

Поэтика рассказа В. Г. Короленко "Не страшное"

Публикуется с разрешения автора

Ранняя публикация здесь: <http://www.portal-slovo.ru/philology/39027.php>.

Рассказ "Не страшное" (1903) стоит особняком в творчестве Короленко. "Не в обычном моем роде"[1], - признавался он, когда писал это "странное", "неожиданное" (464) [2] для себя произведение. Однако процесс работы над ним настолько "захватил" (464) [3] писателя, что увлечения материалом и темой хватило на два года. Известно, что работа над рассказом под влиянием политической обстановки прерывалась, но в итоге вылилась в создание "самого задушевного" (465) [4] творения в наследии художника.

А.И.Богданович утверждал, что рассказ вносит в знакомый облик писателя новую черту. По мнению критика, этим новым стал "неспокойный тон <...>, некоторая тревожность", отсутствовавшая "в прежних, всегда таких ясных и спокойных по настроению рассказах" [5]. Возможно, это произошло потому, что, соприкоснувшись с современной жизнью, писатель был потрясен ее "бессмысленной сутолокой" (465) [6], ставшей особенно очевидной по сравнению с "осмысленным" временем пребывания в сибирской ссылке, и захотел рассказать о том "обыкновенном, повседневном, к чему мы все присмотрелись и притерпелись и в чем разве какая-нибудь кричащая случайность вскрывает <...> трагическую и действительно "страшную" сущность" (464) [7].

Этот замысел критикой был прочитан в целом адекватно. Вот что писалось о рассказе сразу же после его появления: "Не страшное" - это мелочи жизни, которые незаметно обволакивают душу, постепенно усыпляют голос недовольства и гасят огонь свободы и чести, пока человек нечувствительно для себя не погрузится в дремотное состояние, из которого один выход - в могилу. "Не страшное" - потому, что незаметное, будничное, притупляющее внимание своей обыденностью, тем, что все это "в порядке вещей" [8]. Однако такая интерпретация все же представляется несколько односторонней, сделанной "с оглядкой" на Чехова, в чем-то огрубляющей заложенную в основание произведения идею. Сводить все содержание рассказа к "тине мелочей", которая погребает "душу живую", - нельзя. И некоторые элементы текста с очевидностью свидетельствуют об этом.

Во-первых, следует обратить внимание на раздельное написание предлога "не" с прилагательным "страшное" в названии и вспомнить, что оно родилось одновременно с замыслом и фигурирует во всех письмах Короленко, где упоминается это произведение. Казалось бы, более естественным и соответствующим упомянутому прочтению было бы слитное написание, обозначающее явление, которое должно вызвать в сознании читателя определенный синонимический ряд, а именно: примелькавшееся, привычное, обычное [9]. Но избранное писателем раздельное написание предполагает противопоставление: не страшное, а ... Какое-то иное... Какое?

На этот вопрос и призван был ответить весь рассказ в целом. Короленко явно хотел, чтобы запутанная и по сути дела ужасная история взаимных обид, предательств, подозрений повергла читателя не в мрак и отчаяние, а рождала "ощущение, что смысл есть, огромный, общий смысл всей жизни, во всей ее совокупности <...>". Следовательно, с самого начала в замысле присутствовало то, что окончательно сформировалось в завершающей фазе написания: этот смысл "надо искать" (465) [10]. Эта надежда прямо выражена в словах рассказчика: "И показалось мне, что я сейчас разгадаю что-то такое, что должно объединить все это: и эти высокие мерцающие звезды, и этот живой шорох ветра в ветвях, и мои воспоминания, и то, что случилось..." (368). И хотя в итоге загадка не разрешается, но искомый результат достигается: формулируется мысль о всеобщей ответственности - не конкретно "перед Иваном или Петром ...", а перед всеми живущими на свете. Короленко важно добиться, чтобы пришло осознание того, что "все, так сказать, переплетается ... Один, по неаккуратности бросит апельсинную корку ... другой споткнулся и, глядишь, - сломал ногу" (387). Эта мысль близка чеховской метафоре "цепи", "дотронувшись" до одного конца которой, непременно почувствуешь "дрожание" другого [11]. Но у Чехова это именно цепь, протянутая из прошлого в настоящее, соединяющая людей в духовно-историческом пространстве. А у Короленко это некая сеть, заброшенная на человечество, которая "комплектует" из людей некую общность, оплетенную нитями человеческих отношений, в которых сложно обнаружить начало или конец. Сформулировано это в словах: "В нас входят другие, и мы входим в других, сами этого не замечая ..." (370). Важно, что эта общность не замкнута, не отгорожена от окружающего мира: "мы <...> открыты со всех сторон: и солнцу, и ветру, и чужим настроениям" (370). Именно эта идея всеобщей связи, организующей человечество в культурно-историческом, нравственно-